

## Глава 8. Станный старик

Сумерки мягко окутали лес. Лю Мухань подошёл к раскидистому старому дереву и, обхватив руками могучий шершавый ствол, принялся медленно карабкаться вверх.

С тех пор как он покинул Малое загородное поместье, минуло уже две недели. Всё это время юноша выбирал самые глухие, протоптанные лишь зверьми тропы. Изредка на его пути попадались затерянные в глуши хутора, где ему удавалось выменять немного сладкого батата.

Погода пока стояла тёплая. Если небо оставалось ясным, он ночевал прямо на ветвях; если же набегали тучи, заранее искал, где укрыться от дождя. Но сегодня вечер выдался погожим, и Лю Мухань ещё засветло приметил приземистое дерево с густой, раскидистой кроной.

Слишком высоко он никогда не забирался: там ветви тонкие, ломкие, качаются от малейшего дуновения ветра. Устроишься на такой верхотуре — за ночь проснёшься раз десять от каждого шороха. Но и внизу оставаться опасно: в лесной чаще полно хищников, стоит им почуять человеческий запах, и беды не миновать. Поэтому он выбирал золотую середину — крепкие, толстые сучья на уровне человеческого роста или чуть выше. Там можно было надёжно спрятаться в густой листве и спать спокойно до самого рассвета, не боясь сорваться. А поутру, вдыхая свежий, смолистый аромат зелени, он всегда чувствовал прилив сил и лёгкость на душе.

Карабкаться по деревьям для Лю Муханя давно стало делом привычным. В Малом загородном поместье он только этим и занимался. В пору сбора урожая он часто убегал на окрестные холмы, где выискивал на самых макушках дикие плоды, до которых никто не мог дотянуться. Правда, перед тем как сорвать спелую ягоду или дикое яблоко, он всегда долго присматривался и проверял, точно ли они ничейные.

Не красть, не отнимать, не хитрить — Лю Мухань во всём следовал неписаным правилам совести и никогда не совершал поступков, из-за которых потом пришлось бы стыдиться перед самим собой.

Устроившись на развилке могучих ветвей, он поднялся ещё на пару локтей, чтобы окончательно скрыться из виду в переплетении листвы, и лишь после этого беззвучно перенёсся в своё пространственное хранилище.

За два года его тайная обитель не слишком наполнилась вещами, зато царил здесь безупречный порядок. Всё лежало строго на своих местах: в одном углу высилась горка лесных ягод, в другом аккуратно сушились колосья пшеницы, чуть дальше ровными рядами покоились клубни батата и картофеля.

Запасы были скромными, но разнообразие радовало глаз. Одних только диких фруктов и ягод набралось больше десятка видов. Каждого сорта — по небольшой корзинке. Для одного человека — богатство, которого хватит на много недель сытой жизни.

Это пространственное хранилище стало его главным спасением. Стоило юноше понять, что припасы здесь никогда не портятся и не гниют, как он принялся при любой возможности собирать на горных склонах съедобные корни, дикие травы и нежные бутоны цветов, пригодные в пищу.

Редкие свободные часы он тратил на то, чтобы, подражая взрослым из Малого загородного поместья, плести корзины и короба. Для этого он собирал гибкие побеги дикого винограда и ивовые прутья.

Впрочем, досугом его в поместье не баловали. Днём он до седьмого пота трудился в поле наравне со всеми, а по вечерам гнул спину, помогая Ван Тяню с его домашними заботами. Лишь в те редкие дни, когда во всём поместье объявляли общий отдых, ему удавалось вздохнуть свободнее.

Путь и лозу он загодя прятал в своё пространственное хранилище. И стоило выпасть свободной минутке, как он уходил туда и принимался за плетение. За два года у него накопилось приличное количество добротных лукошек.

В пространстве всегда царил мягкий, ровный свет, не зависящий от времени суток. Даже глубокой ночью он мог в полном уединении заниматься своим ремеслом, упиваясь редкими мгновениями покоя, когда никто не кричал на него и не гнал на работу.

Вот и сегодня, устроившись поудобнее, Лю Мухань достал из лукошка спелый дикий плод, зажал его в зубах и принялся за очередную работу.

В этот раз он трудился с особым усердием, стараясь сделать плетение изящным и аккуратным, добавляя узоры из более тёмных прутьев.

Старики в деревнях частенько поговаривали, что в больших городах полно богатеев, готовых платить звонкой монетой за любую безделушку, которая крестьянам кажется обыденной. Лю Мухань лелеял робкую надежду: а вдруг и его корзины кому-нибудь приглянутся?

В пространственном хранилище время словно застывало. Здесь не было слышно ни ветра, ни птиц — лишь мерный хруст сгибаемой лозы да его собственное тихое дыхание.

Когда тишина становилась слишком давящей, он начинал громко хрустеть спелым плодом. Этот простой звук возвращал ему ощущение реальности, напоминая, что он жив, и прогонял нахлынувшую тревогу.

С тех пор как он покинул Малое загородное поместье, одиночество накатывало всё чаще. Мертвенная тишина пространственного хранилища со временем стала тяготить его, поэтому спать он всегда ложился в обычном мире, под успокаивающий шорох ночного леса.

Работа над новой корзиной продвигалась медленно — юноша то и дело отвлекался, доводя каждую деталь до совершенства. Когда он наконец закончил, песок в простых самодельных часах давно пересыпался на дно.

Устало потёр затекшие глаза, аккуратно поставил новое изделие к остальным и вернулся в реальный мир.

Он очутился на той же ветви могучего дуба, где сидел перед уходом. Старое раскидистое дерево оказалось невероятно огромным — его раздвоенный ствол образовывал просторное и надёжное ложе, куда более удобное, чем те тонкие ветки, на которых ему приходилось ютиться в прошлые ночи.

Устроившись поудобнее, Лю Мухань ухватился рукой за крепкий боковой сучок и, облегчённо вздохнув, мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Но выспаться ему не удалось: среди ночи его бесцеремонно вырвал из сна чей-то громкий, встревоженный говор под самым деревом.

— Ищите! — донёсся снизу резкий, властный голос. — Я своими глазами видел, как Странный старик побежал в эту сторону. Он тяжело ранен и далеко уйти не мог. Обыщите каждый куст, загляните под каждую корягу, но найдите его!

— Господин глава зала, — нерешительно отозвался другой голос, — этот Странный старик дьявольски силен. Даже израненный, он представляет смертельную опасность. Если мы наткнёмся на него в темноте, как бы самим не стать дичью.

— Пустяки! — отрезал первый. — На этот раз старик получил смертельный удар. В его энергетическом центре не осталось и капли внутренней энергии. Держитесь группами по три-пять человек. Если наткнётесь на него, вам нужно лишь задержать его на пару мгновений. Подайте знак — и я тут же явлюсь.

— Ваша мудрость не знает границ, господин глава зала! Я немедленно распределю людей.

Лю Мухань, согнувшись в три погибели, бесшумно сел на ветке. Он осторожно раздвинул листву и заглянул вниз, но разглядеть лица пришлых в ночной темени было невозможно — мешали густые ветви. Стало ясно лишь одно: эти вооружённые люди кого-то упорно выслеживали.

Вдруг ночную тишину прорезал свист — мимо ствола, ломая мелкие прутья, пролетело несколько шальных стрел. Одна из них просвистела буквально в паре дюймов от уха Лю Муханя. Юноша затаил дыхание. Выдай он себя хоть единым вздохом или неосторожным движением, его бы тут же изрешетили.

Он изо всех сил вцепился в кору старого дуба. Сердце испуганной птицей заколотилось в груди.

«До чего же коварные люди! — пронеслась в голове тревожная мысль. — Палят вслепую по кронам, просто чтобы проверить, не спрятался ли кто наверху»

Если в его сторону полетит ещё хоть одна стрела, придётся бросить всё и спастись бегством в пространственное хранилище.

И пускай охотились не за ним, Лю Мухань давно уяснил: от тех, кто владеет боевыми искусствами, лучше держаться подальше. Все эти великие мастера казались ему жестокими и непредсказуемыми. Простые крестьяне без всякой внутренней энергии были куда приятнее. Тот же Ван Тянь, хоть и поколачивал его порой, никогда не вызывал в нём такого глухого отвращения, как высокомерный Лю Муфэн.

К счастью, больше стрелы по ветвям не били. Лю Мухань посидел неподвижно ещё четверть часа, а когда спина затекла, осторожно сполз обратно на широкую развилку и закрыл глаза.

Время тянулось томительно долго. Лишь когда предутренний туман начал опускаться на землю, а сам юноша окончательно измучился от вынужденного бдения, голоса внизу наконец затихли, а факелы скрылись в глубине чащи.

Лю Мухань не спешил спускаться. Для верности он переждал ещё часок, затем нырнул на пару минут в своё пространственное хранилище, достал два сочных кисло-сладких яблока и не спеша сгрыз их, прислушиваясь к звукам просыпающегося леса.

Лишь к полудню, когда солнце поднялось высоко над кронами, он решился покинуть своё убежище. Юноша осторожно сполз по стволу вниз, но стоило его ногам коснуться мягкой лесной земли, как сверху с глухим стуком рухнуло что-то огромное и тяжёлое, едва не раздавив его.

Судя по всему, эта бесформенная груда свалилась с самой верхушки дуба. Лю Мухань испуганно задрал голову, всматриваясь в густую зелень, сквозь которую не проникал ни один луч света.

«Надо же... — Лю Мухань ошарашенно уставился на упавшее тело. — Лес огромный, деревьев тысячи, а нас умудрилось занести на одно и то же дерево»